

от 13-ДЕК-1960

г. Ялта

Газета № . . .

Встречи Щепкина и Руданского

Гениальный русский актер Михаил Семенович Щепкин и выдающийся украинский поэт-демократ Степан Васильевич Руданский впервые познакомились и затем встретились в Ялте. До недавнего времени об этом ничего не было известно. Теперь у нас есть данные, взятые из сохранившихся письменных показаний Александра Григорьевича Алмазова, сопровождавшего Щепкина в Ялту.

Свое путешествие на Южный берег Крыма великий актер предпринял с определенной целью: добиться в Ливадии аудиенции у царицы, считавшей себя «шефом» казенных, или, как их называли, «императорских» театров, и поведать ей о безобразном отношении царских театральных чиновников к судьбе актерской молодежи. Щепкин собирался, по словам его ученицы, актрисы А. И. Шуберт, «высказать... какое дурное воспитание дают в театральной школе, а потом выпустают... на все четыре стороны, прямо на погибель».

Второй причиной поездки Щепкина в Ялту послужил совет московских врачей полечиться, набраться свежих сил в благодатных климатических условиях.

Никем в Ялте не встреченный, Щепкин остановился в единственной тогда гостинице и тотчас же направил своего слугу А. Г. Алмазова в Ливадию с поручением разыскать живших там знакомых: литератора В. Княжевича и управляющего именем в Ливадии Лазаревского — брата известного друга Тараса Григорьевича Шевченко. Я. М. Лазаревский немедленно выслал в Ялту за Щепкиным лошадей, чтобы поместить актера у себя в Ливадии.

Эти показания слуги опровергают версию старых биографов артиста, которые утверждали, будто в Ялте Щепкин был торжественно встречен людьми князя Воронцова и якобы с почетом, в карете, доставлен в Алушкинский дворец.

В Ливадии Щепкин оставался недолго. Он не желал стеснять своих друзей и возвратился в Ялту, имея в виду здесь дожидаться вызова на аудиенцию в Ливадийский дворец.

Тогда-то и состоялась первая встреча М. Щепкина с С. В. Руданским. Руданский был единственным в Ялте городским врачом. Пришел он к Щепкину по приглашению. Великий артист указал С. В. Руданскому «всю свою болезнь и всю диету».

Между доктором и пациентом завязался непринужденный разговор. «Тут, — по словам Алмазова, — признать их (то есть Щепкина — А. Г.) больным было нельзя, ибо они были веселы». Это легко понять, ибо выяснилось, что ялтинский молодой доктор С. В. Руданский и хорошо известный Щепкину автор замечательных «співомовок» и остроумных басен, а также

популярной народной песни «Повій, вітре, на Україну» Степан Руданский — одно и то же лицо!

Не таков был Щепкин, чтобы ограничить свое общение с Руданским темой «болезни и диеты». И не таков был Руданский, чтобы встречаться с Щепкиным только как с пациентом! Литературные и общественные интересы великого русского актера и талантливого украинского поэта-демократа были слишком широки и многогранны.

С. В. Руданский учился в Петербурге в медико-хирургической Академии, студентом он мог видеть Щепкина-гастролера на пе-

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО

тербургской сцене и восхищаться им в украинских ролях: Выборного («Наталка Полтавка») и чумака Чупруна («Москаль-чаривник»). Кто знает, может быть, уже в те годы под впечатлением игры М. С. Щепкина у Руданского зародилась идея его единственного произведения для театральной сцены — украинской оперетты под названием «Чумак». И, может быть, встреча с Щепкиным в Ялте ускорила создание Руданским этой народной оперетты.

Характерная черта великого артиста Щепкина: вчера еще слабый и немощный, он после встречи с Руданским сразу же почувствовал прилив сил и бодрости, «помолодел» и начал встречаться с представителями ялтинской интеллигенции. Больше того, он готовился принять приглашение знаменитого художника Айвазовского приехать в Феодосию. Кстати сказать, о приезде Щепкина в Ялту Айвазовский мог узнать от того же Руданского, с которым был в большой дружбе.

Но Михаил Семенович был приглашен в Алупку к Воронцову. Старик, надеявшийся, что это ускорит его свидание с царицей, отправился в Алушкинский дворец, где неоднократно выступал перед царедворцами с чтением произведений Н. В. Гоголя.

Когда же, прожив некоторое время во дворце, Щепкин убедился, что к царице он все-таки не будет допущен и что он обманут, то решил немедленно покинуть Алупку.

«В довольно приятном выражении своего лица, — свидетельствует Александр Алмазов, — Михаила Семенович обращаются ко мне и говорят мне: «Александр, поедем». Я спросил: «Куда же?» — «Где мы были, — в Ялту».

Слуга счел эти слова Щепкина «неправильными», то есть странными, и на эту «странность» обратил внимание алушкинского дворцового доктора Садовского. Тот сделал попытку убедить Щепки-

на не уезжать, но великий артист был непоколебим и — уехал.

Уезжая из Алупки, Щепкин остановился было в Ливадии, у Лазаревского, но находился в несвойственном ему подавленном состоянии. Даже «черноморский есаул со своими казаками, которые пели и плясали», не могли исправить мрачное настроение серьезно заболевшего Михаила Семеновича. Остаться у Лазаревского он не пожелал, и тому оставалось лишь устроить старика в одном ялтинском частном доме. Здесь Щепкину был обеспечен покой и заботливый уход.

Именно с этого момента Щепкин «сидел день и ночь неподвижно, погруженный в свои мысли». Его мучила бессонница. Целые ночи напролет старик сидел на постели и беспрестанно курил. Навещавший его доктор Руданский прописал ему снотворное, но действие лекарства оказалось слишком непродолжительным.

Вскоре у Щепкина наступило расстройство мозговой деятельности: моментами он переставал узнавать окружающих.

Поездка в Алупку и неудача с аудиенцией в Ливадии роковым образом отразились на состоянии здоровья гениального артиста.

Как свидетельствует Александр Алмазов, 11 августа 1863 года, в половине 12-го утра, «стала заметна ихняя (то есть Щепкина — А. Г.) кончина в самом тихом виде».

Вместе со всей прогрессивной общественностью Ялты с глубокой печалью провожал С. В. Руданский тело Щепкина на старое кладбище. Здесь останки великого народного артиста пролежали больше двух недель. Затем, «с дозволения начальства», гроб был вырыт из могилы и отправлен в Москву.

А через 10 лет, в 1873 году, в Ялте перестало биться и горячее сердце С. В. Руданского, врача-общественника и поэта-демократа.

Скудные показания слуги Щепкина ценны тем, что они опровергают ряд домыслов старых биографов артиста и в то же время (а это очень важно) вносят новое имя в замечательную биографию основоположника сценического реализма. Эти же показания убедительно требуют глубже исследовать и биографию С. В. Руданского в той части, которая касается его встреч с Щепкиным в Ялте.

А. ГРИН.